

ВСТРЕТИТЬСЯ с Гяуровым казалось невозможным. В воскресенье вечером он вернулся из Варны, а на другой день утром улетал в Вену. Мы столкнулись в дверях, когда он с чемоданом выходил из квартиры. Интервью было коротким — в истине дорожным...

— В Болгарию я приехал на торжества по случаю годовщины республики и еще... чтобы отдохнуть, — говорит Гяуров. Очень напряженным был минувший год! — Впрочем, не менее напряженными были все последние годы, когда певец «вышел» на международную оперную сцену. И все же, где бы ни был он, накануне Девятого сентября Гяуров неизменно возвращается в Болгарию.

Певец шутит: «Если сосчитать все часы, проведенные мной в перелетах из города в город, из страны в страну, с континента на континент, наверное, получится столько, сколько необходимо летчику для пения». Надо заметить, что летает он с «космическими» скоростями. Вот сейчас, например, он пробудет день-другой в Вене, столько же в Милане, и сразу же — Чикаго. В октябре начнутся его гастроли в Америке, сначала в чикагской «Сивик-Опера» («Мефистофель», «Бойто»), затем в нью-йоркской «Метрополитен» («Фауст», «Дон Карлос»). Это его второе турне по США. В конце 1963 года он уже снял здесь «изумительный успех», как писала тогда газета «Чикаго трибюн». Другая чикагская газета, «Чикаго американ», говорила: «Гяуров — самое крупное оперное событие за последние годы после дебюта Марии Каллас». Первого декабря Гяуров снова поет в миланской «Ла Скала», где у него длительный ангажемент и где его считают «первым басом».

«ДЕТИ любят мечтать. В своих снах я видел себя то капитаном корабля, то сражался в пустынях Африки, то летел к планетам. «Смелый капитан», к превеликому неудовольствию родителей, сбрасывал с себя во сне одеяло или просыпался на полу и... очень быстро ступал на реальную почву...» — так вспоминает о своем детстве Николай Гяуров.

Детство его было нелегким. Семья бедного пономаря едва сводила концы с концами. Во время второй мировой войны старший брат ушел в партизаны, фашисты следили за их домом. Вся семья жила в постоянном страхе, и, конечно, маленький Николай не мог даже занкнуться о своей давней мечте — учиться музыке.

Первое «музыкальное крещение» Гяуров получил в армии, в 1949 году, во время общепармейского смотр художественной самодеятельности. Известный болгарский композитор

НЕСКОЛЬКО МИНУТ С О «ВТОРЫМ ШАЛЯПИНЫМ»

П. Стайнов вызвал Гяурова и заявил перед комиссией: «Я не знаю, что это за парень и откуда он, но, несомненно, у него есть талант». Это была первая похвала, за которой последовала первая награда — самая дорогая, как всякая первая.

Дальше все было просто — Софийская музыкальная академия, Московская консерватория, золотая медаль на Варшавском фестивале, Большая премия Парижа и, наконец, прославленная «Ла Скала» — мечта каждого певца. Приглашение в Милан было подарком к его тридцатилетию...

Здесь в его биографии можно поставить точку. Чтобы начать снова, с красной строки. Все, что было до этого, все большие и малые события в жизни Николая Гяурова — все это было лишь взлетом, стремительным, головокружительным взлетом. С этого момента начался полет, тот самый полет, о котором он мечтал в детстве.

ПОБЫВАТЬ в доме Гяурова было просто необходимо — увидеть его ноты, книги, превосходный рояль «Бехштейн», его международные премии, фотографии — все то, чем живет артист. Только из этого можно составить солидное жизнеописание.

Года три назад в одном из интервью Гяуров сказал: «Моя любимая партия — та, которую я еще не спел, — партия Бориса в «Борисе Годунове». Это вершина творчества любимого баса». Этой вершины Николай Гяуров достиг в 35 лет. Дебют болгарского певца в Зальцбурге, по общему признанию, был триумфом.

«Уникален голос Гяурова, в котором звучит вся гамма человеческих чувств, любой, даже самый незначительный нюанс», — писал венский «Экспресс». «Такой великолепный, поистине блестящий голос природа не часто создает...», — вторил ей «Курьер». «Голос Гяурова неописуемо красив, полнота звучания этого голоса не имеет границ. Он обладает способностью такой нюансировки, что заставляет слушателей плакать от радости и волнения», — восхищался критик «Ди прессе».

«Художник исключительного мас-

штаба» — как зовут его на Западе, — знаменитый дирижер Герберт фон Караян, о котором Гяуров отзывался как об одном из «достоинейших наследников великого Тосканини и Фуртвенглера», давно мечтал поставить «Бориса Годунова» с Николаем Гяуровым. В нынешнем году на зальцбургских музыкальных торжествах состоялась премьера оперы. Вместе с Гяуровым в постановке участвовали еще восемь его соотечественников. Репетиции длились всего 17 дней. Правда, по признанию Гяурова, этому предшествовала долгая и кропотливая работа над ролью. Для Николая Гяурова она началась с чтения — он прочитал все, что можно было найти о Борисе, по несколько раз перечитывал Пушкина; потом — разучивание партии. Основную структуру, канву образа, говорит Гяуров, он всегда создает сам, а уж потом вместе с режиссером и дирижером дополняет его новыми чертами. Самая трудная, самая кропотливая работа — шлифовка образа, поиски деталей, музыкальных нюансов, словесных интонаций, которые, в сущности, и определяют его богатство.

НА БОЛГАРСКОЙ сцене Гяуров играл в «Борисе Годунове» впервые 7 сентября. Это был «настоящий музыкальный праздник», — писала газета «Народна култура». «Спектакль, который поднялся над будничным, знакомым, разрушил усталое, традиционное...».

Когда пресса оповестила о том, что Гяуров будет петь Бориса, некоторые отнеслись к этому скептически — не верили, что артист сможет создать в одной и той же опере два совершенно разных образа — комедийный и трагедийный: Варлаама, которого он сыграл еще в 1960 году на сцене «Ла

Скала», и Бориса. И вот вершина взята. Весь мир заговорил о «новом Шалапине» — болгарском певце Гяурове.

Если бы Гяуров взялся за роль Бориса лет пять назад, он, может быть, не сумел бы добиться такого успеха. За эти годы Гяуров и как певец, и как артист неизмеримо вырос. Он пришел к Борису через серию сложнейших оперных партий — жрец Рамфис в «Аиде», Великий инквизитор в «Дон Карлосе» Верди, а чуть позднее и король Филипп, Падре Гуардиано в «Силе судьбы» Верди, Мефистофель в «Фаусте» Гуно и Мефистофель в одноименной опере Бойто, Валтасар в «Фаворитке» Доницетти, Креонт в «Медее» Керубини, Марсель в «Гугенотах» Мейербергера, Дон Базилио в «Севильском цирюльнике» Россини. Все эти партии он исполнял на самых прославленных оперных сценах мира.

На одной из фотографий, которые мне показали в доме певца, Гяуров снят в момент присуждения премии «Орфей». Французская национальная академия оперных грамзаписей ежегодно награждает этой премией лучшего оперного певца года. «Орфей» — это барельеф из чистого золота, весом не менее полукилограмма. Сейчас он вместе с другими международными наградами хранится в доме певца. Вот последние из них — золотой медальон, врученный Гяурову семьей известного итальянского тенора Пертиле в дни празднования в Италии столетнего юбилея Масканьи, золотая медаль за роль Мефистофеля в одноименной опере Бойто.

«В искусстве, как и в жизни, всегда нужно идти вперед», — говорит Николай Гяуров. Эти слова стали его девизом. Но, чтобы осуществить их, одного таланта было бы, пожалуй, недостаточно. Именно благодаря своей удивительной работоспособности Гяуров за десять лет сумел создать такой обширный репертуар. Казалось, теперь можно бы и отдохнуть. Но это не в натуре певца. И хотя в нынешнем сезоне он не думает разучивать новые партии, Гяуров будет оттачивать, совершенствовать уже созданное. А дальше — снова вперед. Какие еще вершины ждут «второго Шалапина»?

С. БАЛАШОВА.

СОФИЯ.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
Г. Москва

21 ОКТ 1965